

ОКАЗЫВАЛИСЬ ли вы когда-нибудь в театре ночью, когда пуст партер, когда обнажена сцена, когда гулкое эхо шагов замирает в полутьме кулис и когда невольно понижаешь голос, боясь нарушить эту величественную тишину. Ушли зрители, разошлись актеры. И только в одной из гримерных допоздна горит свет...

Я приехала посланником более чем ста читателей, приславших письма в адрес редакции с просьбой рассказать о Копеляне, с просьбой, чтобы он сам ответил на вопросы.

Я смотрю, как Ефим Захарович Копелян снимает грим, как исчезают с его лица трагические морщины, молодеют глаза, выпрямляются плечи. Как не похож он сейчас на Джеймса Тайрона — героя пьесы Юджина О'Нила «Луна для пасынков судьбы», которую я только что видела на сцене.

История Джеймса Тайрона — это история опустошенного, казненного жизнью и собственной совестью человеческого существа, ищущего и не находящего нигде покоя и прощения. С поразительной искренностью и сочувствием раскрывает Копелян трагедию этой некогда сильной личности.

Ефим Копелян — удивительный актер, один из талантливейших мастеров современности. Его сдержанная, лаконичная игра таит огромную взрывчатую силу, темперамент. Оставаясь внешне как бы неизменным, он умудряется создать острохарактерные, сложные, порой полярные по человеческим качествам образы...

Изменчивый и всегда неизменный Копелян...

«Голос, мимика, жест, глаза (копеляновские глаза!), его никогда не спутаешь ни с каким другим актером», — пишет А. Лиознова из Новосибирска.

«Недавно я смотрел телевизионную передачу о Копеляне. Длится она семьдесят пять минут, а показалося — мгновение. Спасибо за его необыкновенный талант, за радость, которую доставляет он людям» — это слова С. Астафьевой из Кисловодска.

«Не только прекрасный актер, но и любимый актер...», — утверждает читатель Я. Поляков из Петропавловска.

Любимый актер... Пожалуй, это самое точное отношение зрителей к актеру. Об этом говорят многочисленные письма, которые приходят Копеляну и в адрес редакции. Их авторы хотят знать о Копеляне все. Они мечтают о встрече и беседе с ним. В канун Нового года наша газета предоставляет им такую возможность. Пусть сегодня интервью берет читатель.

ЕФИМ ЗАХАРОВИЧ медленно перебирает лежащие перед ним письма...

— В детстве кто не мечтал стать артистом. У меня же этого не было: меня манили Азорские острова, прерии Майн Рида, я хотел стать капитаном корабля, в худшем случае судовым механиком. Но поступил в Академию художеств, в свободное время занимался в студии Ленинградского Большого драматического театра. Бегал в массовках, играл в маленьких эпизодах. Театр этот стал навсегда моим домом.

Когда началась война, театр эвакуировали. Я остался. Был в народном ополчении.

Ефим Захарович помолчал и продолжил:

— Народное ополчение — прекрасная и трагическая страница ленинградской истории. Людей погибло много. И под Ленинградом, и в самом Ленинграде. Ну, что говорить, это не забывается. Как собственную исповедь читал я дикторский текст к новому фильму Чухрая «Память». Мне цель этой картины близка. Разве можно забыть то, что испытыва-

ло человечество в дни войны, разве можно простить...

«Все сыгранные Копеляном роли не только интересны, но и значительны. Создается впечатление, что все ему дается легко, без усилий. Я понимаю, что это не так. Но все-таки интересно, как он работает над своими ролями».

— Ж. ГРОМОВ (Ашхабад).

— Мне кажется, что в последнее время актеры стали удивительно разговорчивыми. Самоанализ — хорошая штука, но надо же что-то оставить и для сердца, для подсознания, для

ские качества, которые вызывают если не сочувствие, то понимание. Просто играть зависть, низость, лезть нельзя, все эти качества имеют свои причины и не случайно появляются в человеке. Не доискавшись до истоков, не познав своего героя, нельзя сыграть его стремления, эмоции.

Возьмем, к примеру, мою последнюю работу в фильме «Преступление и наказание». По существу, Раскольников — это несостоявшийся Свидригайлов, Свидригайлов же — состоявшийся Расколь-

которые двинули русскую культуру вперед. Сложность образа, который я снова должен создать, заключается в сложности самой фигуры Саввы Морозова, в тех неразрешимых противоречиях, которые привели его к трагедии.

Сейчас я снимаюсь одновременно в нескольких фильмах: в очень интересной роли атамана Каргина в «Даурии», Дорна в «Чайке», Рябцева — черного полковника в «Сердце России» и опять Саввы Морозова, только уже в картине «Жизнь Красина». «Я поражена вашим сходством с Глазуновым. И очень надеюсь, что придет к вам когда-нибудь желание превратиться в музыканта, русского до глубины души». — С. ЛАВРИК (Новосибирск).

«В портрете Хемингуэя я узнала вас. А что? Вы могли бы его сыграть». — Т. ЛЕОНТЬЕВА (Казань).

— Странная у меня судьба, неожиданно я оказался похожим на многих людей. На Марка Твена, Галилея, Рембрандта... Что и говорить, может, и сыграл бы я их, доведись встретить сценарий или пьесу... И, конечно, я мечтаю сыграть своего современника — человека значительного, высокого — личность.

— Правда, иная маленькая роль, — продолжает Копелян, — может увлечь не меньше, чем главная. Такие «сконцентрированные» по экранному времени эпизодические персонажи привлекают неожиданным поворотом, остротой характера. Потом, наверное, сказывается желание возполнить потерянное время. Я ведь сниматься стал сравнительно недавно, лет десять-двенадцать назад. Может быть, поэтому редко отказываюсь от предлагаемых мне ролей.

Обидно, конечно, что когда был молод, никто не догадывался меня снимать, хотя, признаюсь, мне этого очень хотелось.

Да, грустно от мысли, что порой некоторым большим актерам приходится распылять талант по мелочам в посредственных, а то и в плохих фильмах.

И все-таки каждое появление Копеляна на экране приносит зрителям радость.

И, наконец, последний вопрос к Копеляну, облеченный группой ленинградцев в шутливую форму: «Ну улыбнитесь вы хоть раз, чтобы слегка утешить нас. Ведь постоянно видеть вас с такими грустными глазами, Поверьте, уж не в силах мы».

— Поверьте, я самый веселый человек на свете. Рассмешить меня ничего не стоит. Вы знаете, иногда я получаю письма, в которых зрители волнуются за меня, спрашивают: «Может быть, вы больны?», «Может быть, у вас какое-то горе?». Уверяю вас, в моей жизни нет ничего трагического. Но что поделаешь, если роли у меня такие.

— Ефим Захарович, что бы вы пожелали вашим друзьям — зрителям и читателям нашей газеты?

— Я хочу поздравить всех с наступающим Новым годом, пожелать всем счастья, радости, от их труда. А еще искренне поблагодарить за внимание, за ласковые, добрые слова и извиниться, что не всегда у меня есть возможность ответить всем.

Сознание того, что наше актерское искусство приносит людям хоть крошечку радости — большое счастье. Ради этого стоит трудиться.

Беседу вместе с читателями вела

Д. МЕЛКОНЯН.

ВСЕ

О КОПЕЛЯНЕ

тех редких минут вдохновения, которые и создают настоящее искусство.

Испокон веков идет спор об эмоциональном и рациональном в искусстве. Я за искусство, которое воспринимается сначала сердцем, потом умом.

В роли я ищу прежде всего то, что мне самому как человеку дорого, то, что я чувствую и что мне лично хочется высказать людям. Я стараюсь избегать искусственно вызванных эмоций, стараюсь исходить из себя, из своего конкретного внутреннего состояния — морального, физического самочувствия, от вещей независимых от меня — от погоды, например, или настроения партнера. Ну и, конечно, большое значение имеет личный опыт, собственное мироощущение.

«Я видел Копеляна почти во всех фильмах — «Авария», «26 бакинских комиссаров», «Время, вперед!», «Бабы царство», «Ошибка резидента». Я сразу узнаю его на экране. Во всех ролях он покоряет зрителя глубиной постижения характеров людей, которых играет. Однако меня удивляет, что он даже не пытается изменить грим. Что это — случайность или дань современной актерской манере?» — К. ЧЕРЛИНОВ (Москва).

— Мне кажется, что сегодняшнему зрителю нельзя предлагать загадки — «отгадай, кто этот актер». Для зрителя важно поверить в человека, которого играет актер, поверить в те мысли и чувства, которые он несет от имени своего героя.

Конечно, такой подход к творчеству требует от актера большого мужества, умения отказаться от близлежащих, порой очень эффектных, но внешних средств. «Как-то так уж получается, что Копелян большей частью играет роли отрицательные. Но вот что удивительно, даже самые, казалось бы, жестокие, циничные его герои вызывают наше зрительское сочувствие». — С. РАСКИНА (Баку).

— Признаться, я никогда не преследую такую цель. Просто иду, если так можно выразиться, от очеловечивания образа. Стараюсь найти в нем те человече-

ских. Он, Свидригайлов, — личность, преступившая границы дозволенного всеми своими поступками, до определенной поры утверждавшая, что сильный человек имеет право даже на преступление. Все несчастие, а может, и счастье Свидригайлова в том, что к Дунычке он испытывал не страсть, а настоящую любовь. И вот тогда-то вся его философская концепция о праве сильного терпит поражение. Он это прекрасно сознает сам и как мужественный и умный человек, даже иронизируя над собой, рассчитывается с жизнью.

Вот потому-то и я, и зритель сочувствуем ему, как сочувствовали бы каждой сильной личности, потерпевшей крах.

«Уважаемый артист Копелян. Видела много картин с вашим участием. Особенно мне понравилась та, где вы играли Савву Морозова (речь идет о фильме «Николай Бауман»). Вы очень хорошо сделали эту роль, и игра, и внешность — все хорошо. Я это говорю вам, так как знала Савву Тимофеевича и была свидетельницей событий 1905—1906 годов на фабрике. Должно быть, я одна в живых осталась, кто знал и помнит это все.

Еще раз спасибо, с глубоким уважением». ... г. Иванов. (К сожалению, подпись неразборчива).

— После того как я сыграл Савву Морозова, я получил много писем, но это письмо, конечно, уникальное. На днях в нашем театре состоялась премьера пьесы «Третья стража» — о Николае Баумане и Савве Морозове. Авторы пьесы те же, что и авторы сценария. Мне хочется попросить дирекцию пригласить эту женщину на спектакль.

Как получился Морозов, не знаю. Поразительная вещь — вроде бы текст тот же, образ тот же, но оказалось, что сыграть Савву заново чрезвычайно трудно. Интерес к роли Саввы Тимофеевича у меня не иссяк. Ведь он, Морозов, из той удивительной породы русских людей, промышленников и купцов типа Бахрушина, Мамонтова, Щукина, «белых ворон», по выражению Горького,